
ИЗ НАСЛЕДИЯ

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОЛУЧЕНИИ ПОЧЕТНОЙ СТЕПЕНИ В ОКСФОРДЕ

В вестнике музейной жизни Государственного литературного музея «Звено 2010» (ГЛМ, М., 2011) было опубликовано небольшое исследование, названное словами из письма Бориса Зайцева — Корнею Чуковскому: «...приветствую Ваш Оксфорд». Помимо широкой «оксфордской» линии в судьбе знаменитого писателя-«многостаночника» и попыток разобраться с тем, кому Корней Иванович обязан своим докторатом в 1962 году¹, — в статье обозначились подступы к любопытному открытию в литературно-биографической судьбе нашего героя.

Коротко говоря, выяснилось, что к сегодняшнему дню так и не опубликована по-русски ответная речь Корнея Чуковского при получении им в Оксфорде ученой степени «honoris causa», а та, которая давно публикуется и которая вошла в его 15-томное собрание сочинений под названием «Русскими глазами. Оксфордская речь», — вовсе не *речь*, но искусное большое эссе, законченное явно *после* возвращения из Оксфорда, на что указывают временные обращения в статье, сопоставляемые с дневниковыми записями².

Вот фрагмент из эссе «Русскими глазами»: «Сам понимаю, что это — чудачество, но, приехав, например, в Оксфорд и увидев там *Бэллиол колледж*, я только и вспомнил о нем, что это был колледж Суинберна, а увидев *Магдален колледж*, сказал себе: „Это колледж Оскара Уайльда”.

Стыдно признаться, но, когда я впервые увидел бюсты двенадцати римских императоров на Шелдониан билдингс, я только и вспомнил о них, с каким изумлением глядели они на девицу Зулейку Добсон в старом (и устарелом!) романе „несравненного Макса” (т. е. Макса Бирбома, чей роман 1911 года „Зулейка Добсон” до сих пор не переведен на русский язык — П. К.).

А когда я впервые подошел к речке Айзис — *это было в 1962 году* (курсив наш — П. К.), — я не без волнения вспомнил, что ровно сто лет назад жарким летом по этой самой воде проплывала длинная лодка, в которой сидели три девочки, сестры Лиделл, и с ними чинный математик Чарлз Лутвидж Додгсон, alias Льюиз Кэрролл³.

Более всего этот пассаж о походе на реку похож на воспоминания о *прошедшем времени*.

Публикация, вступление и примечания ПАВЛА КРЮЧКОВА.

¹ Сопоставляя источники, мы пришли к выводу, что этим человеком должен быть назван английский славист и оксфордский профессор Сергей Коновалов (1899 — 1982). Что касается сэра Исая Берлина (1909 — 1997), то его участие в «оксфордской» судьбе как Корнея Чуковского, так и Анны Ахматовой мы склонны считать — вопреки распространенной мифологии — «деятельной благожелательностью». Не более, но и не менее.

² Следует заметить, что основания называть «Русскими глазами» «речью» формально были: этот оборот — «оксфордская речь» — был начертан на одном из черновиков текста рукою переводчицы и друга К. Ч. — Т. М. Литвиновой (1918 — 2011).

³ Корней Чуковский. Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 3. М., «Терра-Книжный клуб», 2001, стр. 493.

23 мая 1962 Чуковский прочитал в том же Тейлоровском институте, где его награждали, полуимпровизированную лекцию о Некрасове (это было сразу же после торжественной и древней церемонии, в соседнем зале, где он произнес в качестве ответного слова совсем иное — и значительно меньшее по объему, и другое по смыслу, нежели «Русскими глазами»). Благодаря сотруднице РГБ З. Н. Липатовой недавно отыскались русская и английская правленные машинописи этого ответного слова, сохранилась и его публикация в «The Oxford Magazine» (выпуск от 31 мая 1962 года).

Текст ответного слова называется «Thoughts on receiving an Honorary Degree at Oxford» («Размышления по получении Почетной степени в Оксфорде») и имеет при себе ссылку: «Introductory remarks to an Ichester lecture on „Nekrasov the Artist” delivered in the Taylor Institution on 23 May, 1962» («Предварительное слово перед лекцией „Некрасов как художник” в Тейлоровском институте 23 мая 1962 года»).

Чуковский рассказал об этом ответном слове в своем дневнике, в записи от 24 мая 1962 года:

«Я забыл записать, что третьего дня происходила церемония, при помощи которой меня превратили в Lit. Doctor'a. Процедура величественная. Дело произошло в Taylor Institution, так как то здание, где обычно происходят такие дела, теперь ремонтируется. На меня надели великолепную мантию, по обеим моим сторонам встали bedels (наши педели?) с жезлами, в мантиях, ввели меня в зал, наполненный публикой, — а передо мною на возвышении, к которому вели четыре ступеньки, сидел с каменным, но очень симпатичным лицом Vice Chancellor of Oxford University проф. А. Л. П. Норрингтон. Профессор Ворчестера А. N. Bryan (Brown) прочитал латинскую похвалу, где упомянул „Crocodilius'a"⁴, после чего я поднялся на 4 ступеньки и пожал Vice Chancellor'у руку.

Vice Chancellor посадил меня рядом с собою, после чего я пошел читать лекцию о Некрасове. Читал я легко, непринужденно, почти без подготовки — и к своему удивлению имел громадный успех. Перед этим проф. Obolensky огласил мою краткую биографию. Я читал по-английски отрывки из Swinburn'a и прославил нашу советскую науку, наше литературоведение, назвав имена

⁴ Пользуясь случаем, публикуем стилизованное латинское приветствие оратора Armitage Noel Bryan-Brown (1900 — 1968), переведенное сотрудником Дома-музея Корнея Чуковского в Переделкине Кириллом Иоутсенем:

«Усердственно и по праву возвесеваемся, что ныне из разных концов света пренюгие тысячи людей в наш край поспешают. Сегодня же учинилось Оратору вашему представлять вам гостя наизжеланнейшего, знатока литературы многославного, старца смиренного нрава и тонкостного суждения, который прошлого столетья искусства всемерно постигнув, потомкам наследие сугубо улучшенное оставил. Во младых летах будучи в Лондоне, о многоразличных деяниях своих достодолжно соотчичам отписывал, к вящему их уразумению, а также и в Британском музее трудился безотменно. Воротясь кораблем Одессы Киммерийской на родину, о коей памятовал крепко, по-русски перевел книжицу „Листья травы”, Уолтусом Уитменом составленную, после чего положил усилия свои и иным сочинителям американским и нашим, средь коих всенепременно поименуем Даниелуса Дефо, Маркуса Твена, Оскаруса Уайльда, Редьярдуса Кипплинга, Гилбертуса Честертона, Сомерсетуса Моэма. Диво ли, что перевода искусство превеликолепно постигнуло? Писателями же отечества своего, как поныне здравствующими, так и почившими, ни мало не пренебрег, особливо же Николауса Некрасова возлюбил, а за книгу о сем поэте (в третьем издании) даже Ленинскую премию радетельно заслужил. Да и впоследствии, на языке родном, весьма глубокоумудренно диспутировал о душе детской; поелику не должно лишить упоминания и все те многовеселые песни, из коих, быть может, один лишь „Крокодилус” зело предерзостен, — читателям ужас наисладчайший! Истинно, и на вилле своей гостей всемногих, преимущественно же малых да юных, сей Добрый Волшебникус принимал. Но вот уже предвкушаете вы, академики, слово вступительное, и волею Уильямуса, графа Илчестерского, ныне грядет оно. Итак, без задержки предоставляю вам сего русского, осьмидесяти годов, средь людей всех времен и народов равно дружелюбнейшего, Корнейуса Иоанновича Чуковского, дабы допущен был, за заслуги, к степени доктора литературы».

акад. Алексеева, Макашина, Машинского, Скафтымова, Вл. Орлова, Оксмана, Зильберштейна и многих других русских исследователей литературы»⁵.

Сегодня, тщательно сопоставив русские машинописные черновики ответного слова и публикацию его в «The Oxford Magazine»⁶, мы рады возможности впервые представить это выступление отечественному читателю практически в том виде, в каком его произнес Корней Чуковский, снабдив комментариями, приводимыми после текста. Оговоримся, что все названия, имена и цитаты (за исключением строфы из «Сада Прозерпины» Суинберна) мы представляем по-русски, как это и сделано в большинстве случаев в русской рукописи ответного слова. За редкими исключениями, написания имен собственных и названия произведений приводим в соответствие с установившимися к сегодняшнему дню.

За консультации сердечно благодарим Елену Цезаревну Чуковскую.

...Думается, что в биографии Корнея Ивановича Чуковского история с присуждением ему Почетной степени Доктора литературы оказалась очень важным личным событием, которым он, несмотря на все свои знаменитые домашние «выходы» в оксфордском наряде «на публику», чрезвычайно дорожил. В переделкинской даче он выставил на одной из книжных полок фотопортрет своего предшественника по оксфордскому докторству — Ивана Тургенева, а в 1965 году направил в Англию изящный приветственный адрес по случаю присуждения почетной оксфордской степени — Анне Ахматовой.

В феврале 1963 года Чуковскому написал из Парижа старинный герой его критических статей, прозаик Борис Зайцев: «Дорогой Корней Иванович, до меня дошли слухи, что Вы в свое время приветствовали меня с 80-летием. — Я письма Вашего не получил. Не знаю, м. б. все это и вообще легенда, все же пишу Вам и благодарю за память. — В свою очередь приветствую Ваш Оксфорд. Боже, сколько времени прошло с тех пор, как Вы писали обо мне в „Речи“. <...> Будьте здоровы, бодры, хорошо, что Вы любите детей и отлично о них пишете!»⁷

Сохранилась едва ли не единственная цветная киносъемка Корнея Ивановича в оксфордском наряде. Вот он, в своем переделкинском рабочем кабинете, окруженный толпой детей, увлеченно и весело рассказывает им о назначении причудливых атрибутов Доктора литературы — о серо-красной мантии и черной шапочке. А они, раскрыв рты, восхищенно смотрят на удивительного седого человека, которого оксфордский Public speaker так точно назвал «магус магнификусом»...

Павел КРЮЧКОВ

В юности я был маляр, подмастерье, очень худой, черномазый. Целые дни — и весной и летом — проводил я на крышах, которые красил то в синий, то в зеленый, то в малиновый цвет длинной малярной кистью. И всюду таскал с собою пухлую растрепанную книгу — «Английский самоучитель» профессора Мейендорфа. Еще до начала работы я доставал кусок мелу и писал на крыше такие слова:

«Любит ли двухлетний сын садовника внучку своей маленькой дочери?»

Книгу я купил на базаре — и первые ее страницы, посвященные английской фонетике, были выдраны, поэтому я так и не научился говорить по-английски. Но читать научился. Первая английская книга, которую я прочитал, были стихотворения Суинберна. И я стал декламировать их тут же на крыше.

⁵ Корней Чуковский. Дневник. 1936 — 1969. Т. 13, стр. 330.

⁶ Вышедшую из печати, заметим, за десять дней до возвращения Корнея Ивановича из Англии. Он и привез оттиски публикации из «Оксфордского журнала» в Москву.

⁷ Корней Чуковский. Письма. 1926 — 1969. Т. 15, стр. 520.

From too much love of living,
From hope and fear set free,
We thank with brief thanksgiving
Whatever gods may be,

That no man lives forever;
That dead men rise up never;
That even the weariest river
Comes somewhere safe to sea¹.

Раздобыв у приятеля-переплетчика «Антологию английской поэзии»², я со всем пылом своего восемнадцатилетнего сердца влюбился и в Вильяма Блэйка, и в Шелли, и в Китса, и в Кольриджа.

Если бы каким-нибудь чудом на той же крыше очутился англичанин и послушал, как юный маляр декламирует «Старого морехода» или «Кристабель»³, он не понял бы ни единого слова. Я произносил слова на свой лад, самым фантастическим образом, и все же чудотворная музыка этих стихов доставляла мне величайшее счастье. Этим счастьем я не мог поделиться ни с кем, так как не было среди моих друзей никого, кто знал бы английский язык.

В той же Антологии я прочитал и навеки запомнил «Последнюю прогулку вдвоем» Роберта Броунинга, и «Королеву мая» Теннисона, и «Тэма О'Шентера»⁴, а зимою, когда крыши завалены снегом, и маляры никому не нужны, я взял в библиотеке четырехтомную биографию Джонсона, написанную Бозвеллом⁵, и три месяца провел на своем чердаке в обществе сэра Джошуа Рейнольдса, Гаррика, Шеридана и Гиббона, которые сделались для меня более реальны, чем те люди, с которыми я ежедневно встречался⁶. Если бы в дверь моего чердака вошел ко мне Оливер Гольдсмит⁷, я сразу узнал бы его и принял бы его как родного.

Что же удивительного, что в те времена Англия представлялась мне с самой поэтической своей стороны. И всю мою жизнь в центре этой поэтической Англии мне рисовался Оксфорд. Я полюбил его Айзис⁸ с той поры, как узнал, что над нею впервые — ровно сто лет назад! — прозвучала «Алиса в Волшебной стране»⁹, рассказанная Льюисом Кэрроллом трем маленьким сестрам Лиделл. Для меня Оксфорд это город Джона Рёскина¹⁰, Суинберна, Уолтера Пейтера¹¹, Оскара Уайльда и любимого моего Хилэра Беллока¹².

И конечно, я безмерно счастлив, что именно Оксфорд оказывает моим скромным трудам такие высокие почести. И мне хочется думать, что этим он выражает сочувствие всей нашей русской литературной науке, переживающей в настоящее время небывалый расцвет¹³. Всякий, кто близко следит за развитием советской культуры, согласится со мною, что, благодаря новым научным исследованиям, мы в тысячу раз лучше узнали и поняли Гоголя, Толстого, Достоевского, Пушкина, Чехова и других наших гениев, чем это было сорок лет назад.

Правда, далось это нам нелегко: нам пришлось преодолевать многие препятствия, которые в течение десятилетий мешали объективности наших научных исследований.

О победах советской науки громко свидетельствуют все семьдесят монументальных томов, озаглавленных «Литературное наследство», где обнародованы со скрупулезной точностью новые материалы о жизни и творчестве наших великих писателей, освещенные проникновенным комментарием.

В каждом из этих томов такая атмосфера научной пылкости, досконального знания, о каком прежде мы не могли и мечтать. Без материалов, публикуемых в «Литературном наследстве», не может обойтись ни одна книга, ни одна диссертация о таких великанах, как Герцен, Некрасов, Лермонтов, Лев Толстой, Грибоедов, Щедрин. В этих томах опровергнуто столько неверных суждений, уточнено столько фактов и дат, исправлено столько ошибок, что теперь, после появления этих томов, многие прежние работы о тех же писателях сразу стали казаться дилетантскими, недостоверными, ложными.

А ленинградская «Библиотека поэта», осуществившая научные издания Тютчева, Фета, Полонского, Майкова, Курочкина, Добролюбова, Минаева, Иннокентия Анненского, Александра Блока, Андрея Белого, Хлебникова, Валерия Брюсова. А 90-томное юбилейное издание сочинений Толстого, а 30-томное академическое издание Герцена, а 20-томное издание Чехова, а новое академическое издание Белинского, а первое 13-томное издание писем Тургенева — все это было бы немислимо, если бы у нас не существовало целой фаланги широко образованных, талантливых, вдумчивых, преданных своему делу ученых-литературоведов, таких, как Михаил Алексеев, Сергей Макашин, Семен Машинский, Юлиан Оксман, Александр Скафтымов, Николай Гудзий, Владимир Жданов, Илья Зильберштейн, Сергей Бонди, Борис Бухштаб, Владимир Орлов, Иракий Андроников и других их многочисленных соратников. Их именами вполне заслуженно гордится советская литературоведческая наука.

340 THE OXFORD MAGAZINE 31 May 1962

Thoughts on Receiving an Honorary Degree at Oxford

by KORNEY CHUKOVSKY

When I was a lanky, sunburnt youth, I worked as a house-painter's apprentice. In spring and in summer I spent day after day on the iron roofs, painting them with a long-handled brush, painting them blue, or green, or bright red. And I always carried a book with me, a bulky and battered *English self-taught* by Professor Meyendorf. Before starting work, I used to get a piece of chalk and practise writing on the roof. This is the kind of stuff I copied out of the textbook:

'Does the gardener's two-year-old son love the grandson of his little daughter?'

I had picked the book up in the market, and some pages at the beginning, where the pronunciation was explained, were torn out: that is why I never learnt to speak English. But I did learn to read.

The first book I read was a volume of Swinburne, and I declaimed my favourite lines up there on the roof:

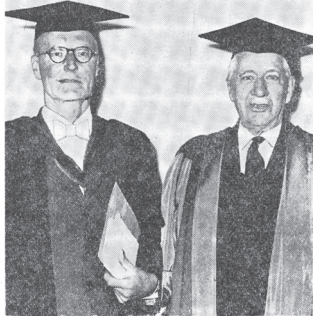
From too much love of living,
From hope and fear set free,
We thank with brief thanksgiving
Whatever gods may be,
That no man lives for ever,
That dead men rise up never,
That even the weariest river
Comes somewhere safe to sea.

Later I got *The Golden Treasury of English Verse* from a bookbinder friend, and fell in love with William Blake, John Keats, and S. T. Coleridge, with all the passion of my eighteen-year-old heart.

If by some miracle an Englishman could have turned up on the roof beside me and heard me spouting 'The Ancient Mariner' or 'Christabel', he would probably not have recognized his own language; for I pronounced English according to my lights—fantastically wrong, of course—and yet I thrilled to the powerful music of English poetry. I had nobody with whom to share my ecstasy since I had not a single friend who knew a word of

pictured Oxford. I have loved the Isis ever since I learnt that it was on its waters that just a hundred years ago Lewis Carroll told the story of *Alice in Wonderland* to the three Liddell daughters. And for me Oxford is the town of John Ruskin and Walter Pater, of Swinburne and Oscar Wilde, and of my beloved Hilaire Belloc.

That is why I am infinitely touched that it is the University of Oxford that has conferred such high honour on my modest works. Allow me to regard this as an expression of sympathy for Russian literary studies, and especially for their remarkable development since the Great Russian Revolution.

Mr A. N. Bryan-Brown (left), Public Orator, with Mr Korney Chukovsky
(Photo by courtesy of 'Oxford Mail')

Фрагмент страницы из «Оксфордского журнала».
Из архива Е. Ц. Чуковской.

Расцвет советской литературной науки ярче всего сказался на достижениях наших мастеров перевода. *Nursery Rhymes* и Роберт Бернс в переводе Самуила Маршака¹⁴, Шекспир в переводе Бориса Пастернака, «Дон Жуан» Байрона в переводе Татьяны Гнедич, «Мартин Чезлвит» [Диккенса] в переводе [Нины] Дарузес, «Вексфильдский священник» [Голдсмита] в переводе Татьяны Литвиновой — все это свидетельства той высоты, какой за последние годы достигло у нас это искусство, служащее взаимному пониманию, взаимному сочувствию, сближению, дружбе наших великих народов.

Мой вклад в это дело весьма незначителен. Но переводил ли я «Прямодушного» Уичерли, или «Напрасные усилия любви» [Шекспира], или «Сказки» [Киплинга], или *Nursery Rhymes* — я был полон пылкого желания, чтобы мои соотечественники полюбили народ, давший миру такие огромные ценности. И я уверен, что таково же было стремление Мориса Бэринга¹⁵, сэра Мориса Боура¹⁶, Вивиана де Сола Пинто¹⁷, Реджинальда Хьюитта¹⁸, когда они переводили для английского читателя наших замечательных лириков и прозаиков, соединяя наши народы такими неразрывными узами, какие, по словам Уолта Уитмена, могут сдружить их гораздо теснее, чем все усилия самых лучших дипломатов.¹⁹

Примечания

¹ Перевод Раисы Облонской: «Надежды и тревоги / Прошли, как облака, / Благодарим вас, боги, / Что жить нам не века. / Что ночь за днем настанет, / Что мертвый не восстанет, / Дойдет и в море канет / Усталая река». Эта строфа из стихотворения А. Ч. Суинберна знаменита, помимо прочего, тем, что она включена в ткань романа Джека Лондона «Мартин Иден», в 1981 году переведенного Р. Е. Облонской (1924 — 2010).

Приведем перевод этой строфы, выполненный Григорием Дашевским (1964 — 2013): «Житьем насытятся сладким, / Без долгих жалких слов / Благодареньем кратким / Благодарим богов / За то, что жизнь прервется, / Что мертвый не проснется, / Что в океан вольется / Слабейший из ручьев».

² В публикации «The Oxford Magazine» антология названа: «The Golden Treasury of English Verse». Впервые она вышла из печати в 1861 году.

³ В русской рукописи — «„Ancient Mariner” или „Кристабел”», т. е. «The Rime of the Ancient Mariner» («Сказание о Старом Мореходе») и «Christabel» — С. Т. Кольриджа.

⁴ Речь идет о стихотворениях Роберта Броунинга «Последняя верховая прогулка вдвоем» («The Last Ride Together»), «The May Queen» Альфреда Теннисона и о популярнейшей поэме Роберта Бернса «Tam O' Shanter».

⁵ В эссе «Русскими глазами» была представлена другая версия знакомства с биографией знаменитого лексикографа, критика и поэта Сэмюэла Джонсона (1709 — 1784), написанной Джеймсом Босуэллом (1740 — 1795). Вот самое начало эссе Чуковского: «У нашей соседки, вдовы моряка, улетел любимый попугай. Думали, что его съела кошка. Но я нашел его на чердаке невредимым. Соседка обрадовалась и дала мне в награду серебряный рубль да какие-то зеленые английские книжки — четырехтомное сочинение какого-то Джемса Бозвелла Esquire под неинтересным заглавием: „Жизнь Сэмюэла Джонсона LL. D.”. Это было в Одессе — еще в прошлом столетии. Мне шел тогда семнадцатый год. Я был тощий, растрепанный, нелепый подросток...» (см. Корней Чуковский. Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 3. М., «Тerra-Книжный клуб», 2001, стр. 488).

В переделкинской библиотеке Чуковского хранится издание «The Life of Samuel Johnson, LL.D.» (Oxford, MDCCCXXVI).

⁶ Джозуа Рейнольдс (1723 — 1792) — английский живописец; в лондонской галерее «Тейт» находится портрет С. Джонсона его работы (1772).

Давид Гаррик (1717 — 1779) — английский актер и драматург, директор театра Друри-Лейн; гениальный исполнитель ролей Лира, Гамлета, Макбета и Отелло.

Ричард Бринслей Шеридан (1751—1816) — англо-ирландский драматург, поэт и общественный деятель; автор одной из лучших английских комедий нравов «Школа злословия» (1777).

Эдуард Гиббон (1737 — 1794) — английский историк, автор знаменитой «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776 — 1787).

⁷ Оливер Голдсмит (1730 — 1774) — крупнейший английский прозаик, поэт, драматург-комедиограф и эссеист.

⁸ Участок Темзы, на которой стоит Оксфорд, издавна называется Айзис (The Isis), т. е. Изида.

⁹ Так в русской рукописи.

¹⁰ Джон Рёскин (1819 — 1900) — английский теоретик искусства, писатель, художник и философ. Будучи первым почетным профессором искусств Оксфордского университета, собрал для студентов внушительную коллекцию произведений искусства. Некоторые общественные идеи Рёскина оказали влияние на Льва Толстого.

¹¹ Уолтер Пейтер (1839 — 1894) — английский искусствовед и эссеист, главный идеолог эстетизма — художественного движения, исповедовавшего «искусство ради искусства». После окончания учебы в университете поселился в Оксфорде с двумя незамужними сестрами, готовясь стать священником и подрабатывая репетиторством.

¹² Джозеф Хилэр Пьер Рене Беллок (1870 — 1953) — писатель и историк англо-французского происхождения. Один из самых плодовитых английских писателей начала XX века, президент ораторского общества «Оксфордский союз». Наряду с Гербертом Уэллсом, Бернардом Шоу и Гилбертом Честертоном входил в так называемую Большую Четверку писателей, которые много дискутировали между собой.

¹³ В публикации «The Oxford Magazine» эта фраза звучит так: «Позвольте мне считать это выражением вашей симпатии к Русским литературным наукам, и особенно их выдающемуся развитию со времени Великой Русской Революции».

¹⁴ В публикации «The Oxford Magazine» вместо *nursery rhymes* (детские рифмованные стишки) стоит *Mother Goose* (т. е. «Матушка Гусыня», или «Сказки Матушки Гусыни»).

¹⁵ Морис Бэринг (1874 — 1945) — литератор-путешественник, поэт, драматург, переводчик и публицист. Неоднократно бывал в России. Автор весьма нелицеприятных, если не сказать жестче, книг о России: «The Russian people» (1911) и «The Mainsprings of Russia» (1914).

«Морис Бэринг, один из самых обаятельных людей, каких я когда-либо встречал, был во время первой мировой войны начальником боевой эскадрильи, сражавшейся на бельгийском фронте, — писал о нем в 1964 году Чуковский в статье „Хорошо и плохо“ („Литературная Россия“, 3 января 1964). — Там я и познакомился с ним в 1916 году, и было странно слушать, как в бельгийской деревушке английский офицер с большим увлечением декламирует на русском языке стихотворение Фета „Ель рукавом мне тропинку завесила“».

Автор книги «Вехи русской литературы» («Landmarks in Russian literature»), Морис Бэринг переводил на английский язык главным образом стихи Михаила Лермонтова.

¹⁶ Сесил Морис Боура (Баура) (1898 — 1971) — крупнейший английский филолог и литературовед, выдающийся эллинист, был ректором колледжа Уолдхэм, президентом Британской Академии, вице-канцлером Оксфордского университета. За научную, преподавательскую и организационную деятельность в 1951 году был возведен в рыцарское достоинство.

Профессор Боура составил несколько антологий русской поэзии и сам перевел на английский язык стихотворения Пушкина, Кольцова, Некрасова, Баратынского, Алексея Константиновича Толстого, Полонского, многих поэтов Серебряного века. Изучал творчество Бориса Пастернака. С Корнеем Чуковским Боура был знаком с 1916 года.

¹⁷ Вивиан де Сола Пинто (1895 — 1969) — английский филолог, литературовед, критик, поэт и переводчик. Выпускник Оксфорда, многолетний профессор Ноттингемского университета. Крупнейший специалист по творчеству Д. Г. Лоуренса. Автор нескольких биографий, в том числе Джона Уилмота, 2-го графа Рочестера. Переводил на английский язык стихи Лермонтова, Тютчева, Фета, пьесы А. Н. Островского и др.

¹⁸ Реджинальд М. Хьюитт (1887 — 1948) — профессор филологии, педагог, переводчик. Переводил на английский язык стихи Пушкина, Тютчева, Владимира Соловьева, Блока, Анны Ахматовой, Сергея Есенина и др. Свободно читал на многих языках. В книге «Высокое искусство», статьях «Хорошо и плохо» и «Онегин на чужбине» Чуковский восхищался его переводами из «Евгения Онегина». Он также высоко оценивал биографию Р. М. Хьюитта, написанную Вивианом де Сола Пинто («Reginald Mainwaring Hewitt, a selection from his literary remains ed. by Vivian de Sola Pinto», Oxford, 1955).

¹⁹ В публикации «The Oxford Magazine» оксфордская речь Чуковского заканчивается риторическим вопросом: «Did not Walt Whitman say that poetry was capable of forging stronger links than the ablest of diplomats could?» («Не говорил ли Уолт Уитмен, что поэзия способна создавать более прочные связи, чем те, что устанавливаются дипломатами?»)

